

дом; руце твои исполнены яко от злата аравийска; ланиты твоя яко сосуд араматы; гортан твой яко крин, капля миро, милость твою; вид твой яко ливан избран; очи твои яко источник воды живы; чрево твое яко стог пшеничен, иже многи напитая“.¹

Итак, в обеих редакциях (подчас даже в сходных выражениях) превозносится княжеская власть и возвеличивается фигура князя — всеобщего защитника и радателя. Однако между обеими редакциями имеются существенные качественные различия, делающие Моление Даниила Заточника или редакцию XIII в. памятником с иным идейным направлением, чем Слово Даниила Заточника или редакция XII в.

Еще О. Ф. Миллер, а вслед за ним Е. Модестов² сближали Слово Даниила Заточника с Поучением Владимира Мономаха. И действительно в редакции XII в. можно уловить то же разграничение князя от его приближенных — тиунов, которое энергично проводится в Поучении Владимира Мономаха, а до этого — в некрологе Всеволода Ярославича, при котором, по словам летописца, тиуны скрывали от народа „княжую правду“. Князь, согласно этой теории, является воплощением правды и порядка, но его приближенные, заслоня эту правду, скрывая ее, безобразничают и своевольничают. Поэтому князь не должен доверять своим тиунам; его обязанность — самому вникать во все дела, самому единолично возглавлять все управление. Только таким путем можно избежать „безнарядия“ в государстве, от которого, по выражению Даниила Заточника, „полци погибають“. Первая редакция содержит резкий выпад против тиунов, разоряющих и работающих народ: „Не имей себе двора близ царева двора и не дръжи села близ княжа села: тивун бо его аки огонь трепетицею накладен, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешься, но от искор не можеш устеречися и сождения порт“.³ Предостережение это, вероятно, читалось еще в более древнем, чем первая редакция, архетипе Слова Даниила Заточника или заимствовано из источника, восходящего к XI в., когда шел энергичный процесс феодализации, и безжалостные тиуны жестоко обходились со свободным населением, имевшим несчастье оказаться по соседству с владениями князя.

Во второй редакции этого места уж нет: в XIII в. феодальные отношения пронизывали собой всю общественную жизнь, феодальные захваты свободных земель уже не производили прежнего ошеломляющего впечатления, и вопрос о них потерял свою злободневность. Зато в этой редакции появились новые мотивы, вызванные некоторыми переменами в среде самого феодального класса. Наряду с горожанами,

¹ Там же, стр. 55—56. — В Академическом списке этому месту соответствует следующее обращение: „Княже мой, господине! Яви ми зрак лица своего, яко глас твой сладок, и образ твой красен; мед истачають устне твои, и послание твое аки рай [с] плодом“ (там же, стр. 14).

² О. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 377; Е. Модестов, ук. соч., стр. 184—185.

³ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 20—21.